

УДК 1(091):17:572

Е. С. Петриковская,

канд. філос. наук, доцент

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
кафедра философии естественных факультетов

АНТРОПОЛОГИЯ И РИТОРИКА: ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ РИТОРИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

С целью выяснения эвристического потенциала классической антропологии в статье представлен обзор отношений антропологии и риторики. Определен спектр стратегий философского исследования природы человека в античности. Сравнительный анализ философских концепций человека позволил конкретизировать, использование каких философско-антропологических идей и принципов в современной антропологии является целесообразным.

Ключевые слова: антропология, риторика, риторическая ситуация, рациональность.

Постановка проблемы. Природа человека, по выражению известного лингвиста Н. Хомского, относится к «вещам, которые мы хотели бы понять любой ценой». Зачастую рассуждения о ней построены на «произвольной метафизике», которая, как известно, существует во все времена, не имея четко определенных границ с мифологией, религией, наукой, искусством. Сегодня довольно остро поставлен вопрос о применимости для объяснения человека теорий, авторы которых претендовали на универсальность. Чаще всего подвергаются критике устаревшие представления, которые ориентируют на поиски неизменной природы или вечной сущности человека. В постструктурализме ставится под сомнение возможность обобщения человеческого опыта как такового, формулирования антропологических законов, унифицированной сущности человека. Неизбежно возникает вопрос: исчерпала ли свой эвристический потенциал классическая антропология?

В работах представителей неклассической антропологии М. Шелера, Х. Плеснера, М. Хайдеггера, М. Бубера, Э. Кассирера [1, 2, 3, 4, 5], а также в работах современных философов Х. Блюменберга, В. Г. Табачковского, В. А. Подороги [6, 7, 8] и др. исследуется неустойчивый, несубстанциальный характер бытийствования человека, заставивший по-новому подойти к старому вопросу о природе человека, а в отдельных случаях и поставить вопрос о преодолении платонизма в XX веке. Не все понятно современному сознанию в этой системе, но поскольку сегодня существует необходимость выработки новой, более реалистической модели человеческого, мы вновь обращаемся к греческой традиции.

Античная концепция культуры имеет два альтернативных центра — риторический и философский. Философия — любовь к мудрости, искательница истины. Риторика — искусство убеждать, «соделывательница убеждений». Философу надлежит сомневаться во всем, риторике вменена в долг окончательная уверенность. Не трудно догадаться, кто из них ценится современниками-обывателями выше. С. С. Аверинцев утверждает, что «внутренние противоречия ан-

Е. С. Петриковская

тичной философии — противоречия между традиционализмом и рефлексией, между установкой на «догму» и принципом методической самопроверки, между устремлением к единой истине, стоящей превыше «мнений» и не могущей противоречить себе, и множественность противоречащих друг другу доктрин об истине, в которых к «знанию» всегда примешано «мнение»... преодолевались риторикой» [9, с. 130].

Античная риторика подвергла критике представление о сущности человека — в том виде, в котором оно было выдвинуто Сократом, Платоном, Аристотелем. В качестве альтернативы была предложена идея индивидуальности, восстающей против объективных сущностных порядков. Она нашла свое выражение (хотя и не развернутое) в таких философских течениях, как софистика, скептицизм и эпикуреизм. Немецкий философ и историк идей Ханс Блюменберг отмечает, что трудноисполнимость платонизма породила скептицизм и нигилизм. «Філософія абсолютних цілей не визнала законною теорію засобів; натомість вона пригнітила і придушила її. Етика, котра бере очевидність добра як свою точку відліку, не полишає жодного місця для риторики як теорії і практики справляння впливу на поведінку на основі припущення, згідно з яким ми не маємо доступності до остаточної очевидності добра» [10, с. 377]. На первый взгляд кажется очевидным, что метафизическая традиция, берущая начало в античности, не стремится сказать ничего специального о человеке в его уникальности. Мартин Бубер замечает по поводу антропологии Аристотеля: «То особое измерение, в котором человек познает себя ему одному свойственным образом, становится для него недоступным, а по этой причине остается нераскрытым и особое место человека во Вселенной. Человек мыслится лишь в мире, мир же не мыслится в нем... у Аристотеля видимый образ Вселенной достигает небывалой актуализации как мир вещей. Отныне человек — лишь вещь среди этих вещей, объективно познаваемый вид наравне с другими видами» [4, с. 82—83]. С точки зрения экзистенциалиста М. Бубера, Аристотель мало экзистенциален: греки не передают разлад человека с природой, протеста, заброшенности перед лицом естества. Не думаю, что справедливо придавать проблемам нашего века универсальный характер и ждать от античных мыслителей их решения. Однако стоит прислушаться к мнению Х. Блюменберга: в метафизике антропология не получает и не может получить своего развития. В то же время антропологический подход присущ оппозирующей метафизике риторике, рассматривающей человека как уникальное создание: «І це не внаслідок трансцендентного «надлишку», яким вона володіє, а внаслідок іманентного недоліку, недоліку даних наперед, готових структур пристосовуватися» [10, с. 377]. Действие компенсирует неопределенность человека, риторика же является усилием по созданию соответствия, соразмерности, играющей роль «сущностной» основы регуляторных процессов, чтобы осуществилось действие, чтобы действие стало возможным. В свете риторической ситуации все составляющие человеческого мира рассматриваются по-иному. Так, язык выступает не характерной особенностью человека, а функцией специфического затруднения человека. Язык в риторике рассматривается как комплекс инструментов не для передачи информации или истины, а способ создания взаимопонимания, согласия или терпимости, от которых зависит тот, кто совершает действие.

Х. Блюменберг затрагивает старый философский спор. Обычно полагают, что философская теория апеллирует к разумной способности, а риторика — к темным, не проясненным влечениям людей. В теории Блюменберга риторика выступает как безразличный к нашим намерениям и целям инструмент, который может быть употреблен по-разному: может служить одновременно как в качестве орудия манипуляций, так и в качестве средства их разоблачения. «Риторика

Проблема человека в свете риторической ситуации

є не тільки технікою продукування такого ефекту як враження, вона завжди є засобом утримування цього враження прозорим: вона робить нас свідомими щодо ефективного засобу» [там же, с. 380].

У Аристотеля риторика була зв'язана з одним из потребований публичной демократической жизни — с требованием ясности применительно к публичным формам дискурса, а следовательно, с требованием прозрачности власти, социальных отношений, правил политической игры и пр. Это требование, тесно связанное с античной моделью полисной демократии сохраняет свою силу вплоть до наших дней. Сегодня все больше обращают внимание на то, что и теория, и риторика основаны на наших желаниях действовать рационально [11, с. 234; 12, с. 498]. В этом случае рациональность получает осмысление «не столько как репрезентация реальности, сколько как способ нашего самоопределения по отношению к ней и друг к другу, к поведенческим и познавательным нормам, к формулировкам целей и средств совместного действия» [13].

Отсутствие окончательной очевидности и, тем не менее, необходимость действовать — предпосылки риторической ситуации. Анализ риторической ситуации будет неполным без обращения к античному рационализму. Принято считать, что греки главный акцент в трактовке человека сделали на разуме. Более глубокий анализ работ Платона и Аристотеля показывает, что все не так просто. Мы упускаем из виду, что внутри целостного метафизического мировоззрения находила себе место античная риторика. Предмет риторики — то, чему можно подражать; она ориентирует на пути к *eidemonia*. Риторика и теория представляют собой два полюса античного рационализма. Именно риторический рационализм, корнями уходящий в философию Гераклита, оформляется на закате классики и сопровождается греческую культуру вплоть до гибели Византии в 1453 г. Какую антропологию предполагает риторика? Об этом мы можем узнать, обратившись к текстам Аристотеля, стоиков, неоплатоников, которые стремились создать средствами философии истинную теорию риторики [9, с. 347—363].

Тип человека, соответствующий риторике — адепт словесно-мыслительной культуры и мастер на все руки (например, Гиппий, сделавший собственными руками наряд). Это воспитанный человек, живущий, как подобает человеку высшего общества и владеющий словесной культурой. Идеал универсального человека (не профессионала), который знает, умеет все, пробует себя во всем. Этот риторический идеал человека был взят на вооружение Ренессансом [там же, с. 357].

В рамках античной модели предполагается, что в мире существуют структуры, большие, чем двумерное целесообразное рациональное действие. Мыслить можно только на фоне некоторой неопределенности (мир в себе, вещь в себе). Но ведь именно это и имеют в виду современные апологеты риторики, рассматривающие ее как шанс выйти из кризиса рационализма [см. 13]. Однако простое воспроизведение античных антропотехник ничего не даст. Существует разница между рефлексивным традиционализмом античности и рефлексивным анти-традиционализмом нашей современности. Нужен культурный синтез, о котором, по мнению С. С. Аверинцева, пока можно только гадать, когда мы, не возвращаясь к риторическому прошлому, сумели бы полноценно, с выходами в практику, оценить ее здоровые резоны [9, с. 136]. Не ясно, каким образом с помощью риторического «ренессанса» возможно решение насущной теоретической проблемы — создания антропологии индивидуального. Ведь риторика греков построена на познавательном примате общего перед частным и риторика выполняла всегда как раз обратную функцию — обозначать «вообще человек» (риторика как подход к обобщению действительности). Риторика представляет собой формализованный подход к регуляции мысли и речи. Так, например, греки подвергали формализации содержание возможных писем.

Е. С. Петриковская

В то же время античная риторика совершила открытие индивидуального стиля и создала для этого термин «характер» — индивидуальность (стиля) человека. Без риторической системы образования не состоялось бы закрепление этого открытия. Слово выражает индивидуальность автора, потому что само индивидуально. Но индивидуальный стиль сводится в акте познания к абстрактно-всеобщему, а в акте оценки подчиняется абстрактно-всеобщему. Неповторимость от анализа ускользает. Она апофатична. Оригинальная комбинация идей неизяснима. Факт поддается описанию лишь как комбинация общих категорий. В то же время риторическая мысль «заворожена» непознаваемостью особенного, ей принадлежит исключительно высокая эмоциональная оценка индивидуального, оригинально дополняемая познавательной установкой на универсалии.

Мы знаем, что Цицерон подчиняет философию риторической установке ума. Но оказывается, Аристотель также отдает должное риторической ситуации. Любопытную интерпретацию аристотелевского подхода дает А. Ф. Лосев, для которого «вся античная философия есть, в конечном счете, не что иное, как эстетика». Эстетика, по Лосеву, занимается выражением вещи, то есть единством сущности и явления, и античная эстетика — риторика в своей основе [См.: 14, с. 211].

Сам А. Ф. Лосев выделяет в эстетике некую третью сферу, которая в языке и мышлении называется им «иррелевантная область» (у Гуссерля — «интенциональная область»): куда-то сознание направлено, хотя содержательно это бывает трудно определить. Как отмечает В. В. Бибихин, «лосевское «иррелевантное» — это сфера незавершенного, неделанного. Здесь мы вне уютного детерминизма, предопределенности. Все осуществляется на наш страх и риск, в нашей свободе, мысль о которой гоним прочь. Эта сторона есть собственно мир, он раздвинут и непрестанно поддерживаем юностью, «эоном» [14, с. 180]. Иррелевантное — это предметы, о которых нельзя сказать, существуют они или нет. Они поэтому не зависят ни от объекта, ни от субъекта. У стоиков они назывались безразличным, ни тем, ни другим. Предмет воления иррелевантен, но без него нельзя перейти к релевантному предмету. Некая объективная предметность облекается внутренним переживанием и получается специфическая предметность. «Кроме прямых чувственных заключений, — утверждает А. Ф. Лосев, — мы оперируем целым разрядом вещей, о которых нельзя сказать, есть они или нет» [Цит. по: 14, с. 174]. Очевидно, речь идет об анализе данных сознания, в ходе которого анализа делаются разного рода допущения.

А. Ф. Лосев называет метафизику Аристотеля относительной, при этом ее невозможно оторвать от абсолютности [14, с. 58]. Он приводит средневековое различие богословия на абсолютное и предположительное, основанное на различении уровней *ordo scientiae* и *ordo sapientiae*. Первое, как полагает А. Ф. Лосев, — от «слишком догматичного» Платона, второе — от Аристотеля [там же, с. 167].

Лосев находит эту сторону философии Аристотеля — выделение помимо идеи и материи иррелевантной сферы — современной, поскольку «при современном состоянии мысли нельзя без относительности понимать действительность» [там же, с. 62]. Аристотель, уделивший большое внимание топике, риторической логике, поэтике (искусство изображения возможного), видится с новой стороны. Он высоко ставит риторику, как бы понимая, по замечанию Лосева, что человек не обязан все время говорить математически и логически точно. Сюда же надо относить и диалектику, которая не говорит ни да, ни нет. В «Первой аналитике» Аристотель выделяет два вида силлогизмов — аподиктический и вероятный, у каждого из которых своя логика. Причем, вероятная логика имеет отношение к повседневной жизни, наполненной вероятными сужде-

Проблема человека в свете риторической ситуации

ниями. Читая этот текст, можно выделить три типа мышления: аподиктическое, вероятностное, софистическое. В риторике тот, кто говорит вещи, о которых нельзя сказать, истинны они или ложны, остается честным человеком. В качестве примера можно привести человека, выступающего в суде. У него нет достаточного количества материала, чтобы он говорил доказательными силлогизмами, и он лишь догадывается, где правда. Присяжные заседатели делают вероятный вывод, который им кажется истинным. Риторика у Аристотеля заигрывает с относительностью. Вероятностная логика у него относительная, как и вся человеческая жизнь относительна [там же, с. 48]. Наряду с законами силлогистической логики Аристотель оставил «Топику» — «эстетический силлогизм», которая ориентирована на саму гущу жизни.

Подводя **итоги** вышесказанному можно утверждать, что отрицание «антропологического» характера древнегреческой философии не обосновано и поиски новой идеи человека в современной культуре приведут к эллинизации антропологии. Причем, у античных философов можно заимствовать не готовую теорию человека, а методологию исследования человеческой жизни. Антропология в культуре становится настоятельно необходимой, когда вечные истины сводятся до уровня достоверных суждений, а человек больше не является замаскированным вариантом чистого духа. Тот факт, что человек вынужден действовать определяет риторическую ситуацию, выступает антропологической основой риторики, конститутивным элементом ее становления.

Литература

1. Шелер М. Избранные работы / Пер. нем. — М.: Гнозис, 1994. — 415 с.
2. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Пер. с нем. — М.: РОССПЭН, 2004. — 368 с.
3. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / Пер. с нем. — М.: Республика, 1993. — 447 с.
4. Бубер М. Проблема человека // Бубер М. Я и Ты. — М.: Высшая школа, 1993. — 175 с.
5. Кассирер Э. Опыт о человеке // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / Пер. с нем. — М.: Гардарики, 1998. — С. 440—523.
6. Blumenberg G. Антропологічний підхід до сучасного значення риторики // Після філософії: кінець чи трансформація? — К.: Четверта хвиля, 2000. — С. 371—403.
7. Табачковський В. Г. Полісутність Ното: філософсько-мистецька думка в пошуках «неєвклідової рефлексивності». — К.: Видавець ПАРАПАН, 2005 — 432 с.
8. Подорога В. А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы в двух томах. Том 1. — М.: Культурная революция, Логос, Logos-altera, 2006. — 688 с.
9. Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 448 с.
10. Blumenberg G. Антропологічний підхід до сучасного значення риторики // Після філософії: кінець чи трансформація? — К.: Четверта хвиля, 2000. — С. 371—403.
11. Арндт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. — СПб.: Алетейя, 2000. — 437 с.
12. Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 614 с.
13. Хестанов Р. Теория и риторика как два проекта рациональности [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_1/2000_09.html.
14. Бибахин В. В. А. Ф. Лосев. С. С. Аверинцев. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. — 416 с.

Е. С. Петриковская

Петрикiвська О. С.,

канд. філос. наук, доцент
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова,
кафедра філософії природничих факультетів

**АНТРОПОЛОГІЯ ТА РИТОРИКА:
ПРОБЛЕМА ЛЮДИНИ У СВІТІ РИТОРИЧНОЇ СИТУАЦІЇ**

Резюме

З метою з'ясування евристичного потенціалу класичної антропології в статті представлений огляд відносин антропології і риторики. Виявлено спектр стратегій філософського дослідження природи людини в античності. Порівняльний аналіз філософських концепцій людини дозволив конкретизувати, використання яких філософсько-антропологічних ідей і принципів в сучасній антропології є доцільним.

Ключові слова: антропологія, риторика, риторична ситуація, раціональність.

Petrykivska O. S.

PhD in philosophy, Associate professor,
Odessa National I. I. Mechnikov University,
Department of Philosophy for Natural Sciences Faculties

**ANTHROPOLOGY AND RHETORIC: A PROBLEM OF THE PERSON
IN THE LIGHT OF A RHETORICAL SITUATION**

Summary

For the purpose of finding-out of heuristic potential of classical anthropology in article the review of relations of anthropology and rhetoric is presented. The spectrum of strategy of philosophical research of human nature in antiquity is defined. The comparative analysis of philosophical concepts of the person has allowed to concretize, what use of philosophical anthropology ideas and principles in modern anthropology is expedient.

Keywords: anthropology, rhetoric, rhetorical situation, rationality.